

Научная статья

УДК 111:504

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-3/185-194>

Особенности экологического дискурса «тёмной экологии» как радикальной версии постгуманизма

Захаров Константин Павлович

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Раскрыто основное содержание основополагающих принципов доктрины «тёмной экологии» как одного из направлений постгуманизма. Продемонстрированы особенности её онтологических оснований, направленных на отказ от антропоцентризма и жёсткого холизма. Показано отличие дискурса «тёмной экологии» от других направлений философско-экологической мысли. Подчёркнуто своеобразие понимания экологической осознанности, показаны особенности трактовки понятия экологического воспитания в работах основоположника этой доктрины. Обращено внимание на демонстрируемое автором «тёмной экологии» стремление к иррационализации оснований экологического сознания в контексте отказа от сциентизма и приверженности к экологически ориентированной политике.*

***Ключевые слова:** постгуманизм, «тёмная экология», «глубинная экология», объектно-ориентированная онтология, импловивный холизм, гиперобъекты, экологическая осознанность, экологическое воспитание, экологическая настроенность, антропоцентризм, изъятие, странный незнакомец.*

***Для цитирования:** Захаров К.П. Особенности экологического дискурса «тёмной экологии» как радикальной версии постгуманизма // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15, № 3. С. 185–194. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-3/185-194>.*

Original article

Features of the ecological discourse of "dark ecology" as a radical version of posthumanism

Konstantin P. Zakharov

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

***Abstract.** The main content of the fundamental principles of the doctrine of "dark ecology" as one of the directions of posthumanism is revealed in the paper. The features of its ontological foundations aimed at rejecting anthropocentrism and rigid holism are demonstrated. The difference between the discourse of "dark ecology" and other areas of philosophical and ecological thought is shown. The originality of understanding of ecological awareness is emphasized. The peculiarities of the interpretation of the concept of ecological education in the works of the founder of this doctrine are shown. Attention is drawn to the desire demonstrated by the author of "dark ecology" to irrationalize the foundations of ecological consciousness in the context of rejection of scientism and commitment to an environmentally oriented policy.*

Keywords: *posthumanism, "dark ecology", "deep ecology", object-oriented ontology, implosive holism, hyperobjects, ecological awareness, ecological education, environmental awareness, anthropocentrism, withdrawal, strange stranger.*

For citation: *Zakharov K.P. Features of the ecological discourse of "dark ecology" as a radical version of posthumanism // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2023. Vol. 15, № 3. P. 185–194. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-3/185-194>*

Введение

На протяжении последних двух десятилетий в рамках философского осмысления развития современного мира всё большее внимание стал привлекать комплекс идей, который принято называть постгуманизмом. Являясь прежде всего одним из направлений развития современной неклассической философии культуры, постгуманизм сегодня представляет собой достаточно широкое и разветвлённое течение философско-мировоззренческого и философско-методологического характера, затрагивающее самые различные области исследования живой и неживой природы, общества и культуры. Несмотря на возникновение разных направлений развития общей концептуальной базы этого течения, вполне отчётливо обозначилось стремление преодолеть резкую грань между человеком и животным, между культурой и природой. Данный подход уже выявил свои перспективы в исследовании природы, продемонстрировав в том числе и плодотворные методологические приложения в современных науках о живом.

В условиях отказа от привычной иерархии в системе живой природы во главе с человеком, которую особенно ярко поставили под сомнение сторонники философских направлений энвайронментализма и «глубинной экологии», всё более осознаётся потребность в выявлении новых способов и форм сосуществования людей с нечеловеческой природой. Весьма актуальной поэтому становится проблема прояснения возможностей реализации экологического потенциала постгуманизма, в том числе и применительно к ближайшему будущему. В какой степени наши надежды на переориентацию мировоззренческих установок в экологическом ключе соответствуют реальным возможностям применения этого достаточно нового философского подхода?

Основная часть

В спектре многообразия линий развития философской платформы постгуманизма следует обратить внимание на оригинальные идеи английского мыслителя Тимоти Мортон, исследующего особенности развития экологического мышления в современную эпоху. Т. Мортон приобрёл огромную известность в мире как автор доктрины «тёмной экологии», как создатель оригинальной концепции «гиперобъектов», выступающих в качестве нового фактора современного мирового развития.

Общим моментом в разных работах этого автора является признание негативной роли деятельности человечества в условиях нынешней шестой эпохи массового вымирания. Мыслитель демонстрирует довольно пронизательную критику современной эпохи антропоцена, связанной с глобальным разрушительным воздействием человека на биосферу, показывая её тупиковый характер. При этом Т. Мортон проявляет скепсис в отношении современной науки как

фактора формирования экологически ориентированного мировоззрения, полагая, что в рамках научного мышления отсутствует соответствующая потребностям нашего времени экологическая осознанность.

Мыслитель уверен в том, что научно ориентированный экологический дискурс не приближает нас к подлинно экологическому пониманию, да и сам мир науки оказывается неустойчив и недостоверен в области «более-менее истины». Т. Мортон полагает, что современное научное мышление, приверженное принципам системного подхода, опирается на уже привычную холистическую картину мира. Между тем, по мнению мыслителя, в рамках подобного системного подхода абсолютизируется качество целостности, которой придаётся явно преувеличенный характер. Такое понимание характерно, например, для современной экологической науки, поскольку основное внимание здесь уделяется масштабным целостным комплексам и популяциям, но не отдельным организмам и особям. Подобный подход господствует и в рамках традиционной экологической этики в её стремлении обосновать необходимость защиты прежде всего целостных комплексных образований. Результатом такого подхода становится недооценка статуса отдельных организмов и особей. Такое понимание холизма, по мнению мыслителя, должно быть пересмотрено.

Для прояснения вопроса «Что означает стать экологичным в режиме мышления?» Т. Мортон пытается показать саму возможность достижения экологической солидарности с «нечеловеческим народом». Здесь не имеется в виду то, что отдельные виды животных должны быть наделены субъективными правами, как считают некоторые радикальные сторонники прав животных. Английский мыслитель не поддерживает также и точку зрения, согласно которой все живые существа должны получить равное право на существование, поскольку подобная экологическая политика была бы совершенно далека от реализма. Вряд ли кто серьёзно согласился бы считать, что вирус СПИДа имеет такое же право на существование, как и больной СПИДом. Тем не менее, с точки зрения автора «тёмной экологии», объектом заботы должен стать весь мир, а не только люди и виды редких животных. Все явления и предметы, от самых крупнейших до самых маленьких, от физических до духовно-символических образований культуры, на самом деле имеют одинаковый онтологический статус.

Представители современного энвайронментализма сделали главным объектом заботы прежде всего природные целостности, а сторонники концепции прав животных, с точки зрения Мортонна, наоборот, жертвуют целым ради отдельных индивидов. В свою очередь, Т. Мортон обращает внимание на необходимость перехода к новому пониманию холизма. Важно, по его мнению, отказаться от теистического, «эксплозивного холизма, в котором целое больше суммы частей. Нужно перейти к «слабому холизму», «импловзивному холизму», где целое всегда меньше своих частей, хотя при этом части и целое одинаково реальны [3, с. 55, 214–216]. Хотя это положение играет большую роль в теоретических построениях английского мыслителя, но, на мой взгляд, остаётся достаточно проблематичным, требуя своего более глубокого и обстоятельного философского обоснования. Однако эколог выражает уверенность в том, что мы не должны

отдавать онтологию на откуп сциентизму, основанному на онтологическом приоритете целостности.

Свои экологические идеи Т. Мортон развивает на основе объектно-ориентированной онтологии (ООО), концепция которой разработана современными американскими мыслителями Г. Харманом, Л.Р. Брайантом и др. Новые перспективы развития экологического сознания Т. Мортон связывает с углублением «экологической осознанности», необходимым условием которой становится переход от субъектно-объектной к объектно-ориентированной онтологии, отходящей от антропоцентризма. Здесь подвергается пересмотру ведущая, структурирующая роль субъекта в субъект-объектных отношениях, в том числе отвергается так называемый «кантовский корреляционизм», где так называемым конструктором-коррелятором выступает трансцендентальный субъект, а также другие разновидности корреляционизма классической философии.

Придерживаясь позиции пост-антропоцентризма, Т. Мортон, указывает на принципиальные положения ООО, в соответствии с которой: 1) нельзя получить доступ ни к одной вещи в её целостности, поскольку каждая вещь является как бы своеобразной «чёрной дырой», закрытой для любой другой вещи; 2) мысль не является единственным и высшим режимом доступа к вещи, поскольку вообще нет никакого высшего режима доступа [4, с. 36]. Как отмечает Г. Харман, в ООО не просто воспроизводится кантовский разрыв между вещью в себе и явлением; «ООО вносит важнейшую поправку, указывая, что вещь в себе не только преследует как призрак человеческое сознание мира, но и обнаруживается в причинно-следственных отношениях нечеловеческих вещей друг с другом» [6, с. 43]. При этом связь между объектами и их качествами, как указывает Г. Харман, считается необычайно слабой, а вещи не сводятся к их отношениям. Другой видный представитель объектно-ориентированной онтологии, Л.Р. Брайант, вслед за Г. Харманом подчёркивает, что объекты конститутивно «изъяты» друг от друга, причём «изъятость – это не акцидентальное свойство того, как разум репрезентирует сущности, но структурное свойство того, чем сущие или сущности являются в действительности» [1, с. 271]. Ни один объект не может относиться к другому объекту непосредственно – только через свои локальные манифестации. При этом объекты изъяты не только в отношении друг друга, но также и для самих себя, скрывая в себе неизмеримые глубины неисчерпаемой сложности. С точки зрения Т. Мортон, этот факт относится в полной мере и к феномену человечества, включающего в себя незнакомую, «призрачную» сторону. При этом призрачное можно понимать в качестве нечеловеческой стороны нас самих.

Этот новый вариант онтологии, с точки зрения её адептов, позволяет более правильно понять огромную роль нечеловеческого мира для самих людей. Более того, по мнению Мортон, пора отказаться от понимания истории как сугубо человеческой истории, так как наступает эпоха, когда уже не-люди стали оказывать большое влияние на каждого человека. Мыслитель приходит к довольно радикальному выводу о том, что в условиях глобального экологического кризиса «нечеловеческие сущности ответственны за следующий момент человеческой истории и мышления» [2, с. 249].

Своеобразие современной эпохи Т. Мортон видит в появлении так называемых «гиперобъектов», вызванных прежде всего действиями человека. Мыслитель называет гиперобъектами явления планетарного масштаба, обладающие огромной пространственно-временной размерностью, которые, однако, при этом почти не замечаемы. Последствия влияния гиперобъектов глобальны и долговечны; они оставляют свои следы на протяжении многих тысяч лет, однако результаты их негативного воздействия на человечество и окружающую среду ещё до конца не прояснены. [2, с. 12, 13]. Гиперобъекты как огромные целостности оказываются вне поля зрения, поскольку их части и отдельные проявления скрывают феномен целого, что соответствует особенностям нового понимания холизма. К таким объектам, воздействующим на весь мир, можно отнести глобальное потепление, накопленные ядерные отходы на планете, всю добываемую на земле нефть, отходы из пластика, загрязняющие Мировой океан, и т.д. Рост ожиданий конца истории в значительной мере связан с осознанием растущего влияния гиперобъектов на каждого человека. Поэтому, по мнению мыслителя, уже давно назрела необходимость пересмотра нравственных оснований человеческого поведения.

Может показаться парадоксальным, но доктрина «тёмной экологии» исключает понятие природы. С точки зрения мыслителя, понятие природы становится бессодержательным и искусственным, наглядно демонстрируя свою пустоту. Живое и неживое, человеческое и нечеловеческое оказываются тесно переплетены; их невозможно отделить друг от друга. Понятие природы, с точки зрения Мортон, подлежит деконструкции, которая только и позволит включить не-людей в социальное пространство, преодолеть отсечение людей от не-людей [3, с. 32]. Вместо понятия природы лучше использовать понятие окружающей среды. По мнению Л.Р. Брайданта, стремление Т. Мортон исключить понятие природы из экологического дискурса вовсе не означает, что он намерен свести всё сущее к культуре, но прежде всего предполагает отказ от понимания природы как замкнутой целостности, существующей вне человеческих отношений [1, с. 277, 278].

Экологическая осознанность, как полагает мыслитель, обязательно предполагает признание множества форматов пространственно-временных размерностей различных вещей. Не существует какого-то единого, исключительного масштаба, играющего доминирующую роль для всех остальных измерений, на которую до сих пор претендует «одноразмерная, агрокультурная, темпоральная труба», засасывающая в себя всё многообразие форм жизни. Важно стремиться объединять обнаруженное разнообразие режимов темпоральности в единство. При помощи комбинирования индивидуальных для каждой вещи линий будущего проектируется общая картина будущего всей симбиотической целостности. Подобный подход, по мнению философа, способствует углублению экологической осознанности [4, с. 112–114]. Привычная склонность к антропоцентрической размерности в процессе взаимодействия с окружающими вещами способствует исключению не-людей из социального и человеческого пространства.

Необходимо обратить внимание на то, что в рамках «тёмной экологии» исчезает единый масштаб для оценки значимости или тех или иных объектов окружающей среды. В качестве исходных понятий Т. Мортон предлагает использовать понятия «формы жизни» и «симбиотическое реальное». Все формы жизни считаются равноправными, так как все они вносят свой необходимый вклад в существование симбиотических целостностей. Другое дело, что в условиях игнорирования привычного человеческого масштаба восприятия других существ становится нелегко воспринимать обнаруживающиеся странности различных форм жизни, выступающих в качестве нечеловеческих объектов. Однако стремление быть экологичным предполагает формирование соответствующей установки воспринимать других, т.е. не-людей, в качестве непривычной для нас, но всё же самоценной реальности, несмотря на их своеобразие. «Разве это не квинтэссенция экологического сознания, а именно ощущение того, что я окружён и пронизан такими сущностями, как кишечные бактерии, паразиты, митохондрии – не говоря уже о других людях, лемурах и морской пене. Я нахожу это немного отвратительным, но всё же захватывающим» [3, с. 140, 141].

Усилие исследовательского внимания к объектам (не-людям), как правило, сопровождается возникновением чувств странности и двусмысленности. По словам Т. Мортонна, «формы жизни всегда остаются жуткими, т.е. чем больше мы о них узнаём, тем страннее они становятся, и наука не смягчает этот факт, а лишь усугубляет его. Вот почему я придумал термин «странный незнакомец», которым обозначаю такие формы жизни» [4, с. 165]. По сути, все взаимодействующие объекты выступают по отношению друг к другу как своеобразные странные незнакомцы в силу феномена их обоюдной изъятости в отношении друг друга.

Возникновение экологического отношения к вещам как не-людям рождается, с точки зрения мыслителя, в процессе «настраивания» близости с ними. Такое настраивание можно понимать в качестве живого динамического отношения с вещами, которое, с точки зрения Мортонна, никогда не может быть завершённым [4, с. 124]. Обращая внимание на конфигурацию так называемого настраивания в процессе исследования того или иного объекта, можно оценивать степень экологической близости с ним. Возможность возникновения экологических чувств по отношению к объекту определяется именно глубиной и степенью такой настроенности.

Стараясь понять феноменологические проявления экологической настроенности в процессе встречи с нечеловеческими существами, чей онтологический статус является ещё неопределённым, мыслитель фиксирует целый спектр возникающих ощущений: «демоническая красота», «томление», «двусмысленность», «магичность», «призрачность», «восхищение». С его точки зрения, именно этот набор понятий позволяет выразить возникающее экологическое отношение к вещам. Воспринимая вещи в качестве странных незнакомцев, обладающих неизвестными X-свойствами, человек часто склонен приписывать им некие магические проявления, считая эти объекты источниками какой-то непонятной энергии, магической силы. Улавливать магическое воздействие, идущее от не-людей, означает открывать их паранормальные проявления, своеобразную

призрачную харизму. Именно харизма не-людей становится тогда своеобразным стимулом для процесса настраивания. Научный же взгляд на вещи не позволяет обнаруживать призрачную и странную магию, стремится заменить последнюю поиском причинности. Однако этот факт, по мнению английского мыслителя, свидетельствует о неполноте науки, о необходимости признать большое значение паранормального в общении с не-людьми.

Мотивы экологической политики и этики, с точки зрения Т. Мортонa, больше не должны определяться дискурсами добра и зла, эффективности и устойчивого развития, здоровья и болезни. Стратегической целью для людей должно стать формирование экологического сознания, ориентированного на достижение так называемой «сродности» с не-людьми. «Быть сродным – это политическая программа, а не поздравительная открытка или этическое предписание... Быть людьми значит быть-в-солидарности с не-людьми...» [3, с. 267, 268]. Экологичной становится возможность признания значимости других, нечеловеческих форм жизни, без особых на то причин, без какого-либо меркантильного интереса или нездорового любопытства, без стремления к активному воздействию с целью что-либо кардинально изменить. Этим самым преодолеваются основания для распространённых антропоцентрических предубеждений в духе спесицизма.

Сродность не ограничивается толерантным отношением к другим существам, а подчинена особой установке никак не ограничивать стремление других существ получать удовольствие. По мнению Мортонa, надо позволять другим, нечеловеческим существам, не просто существовать, но и испытывать при этом удовольствие, тем самым признавать их самоценность. Режимы доступа к не-людям оказываются на самом деле режимами удовольствия, при которых нечеловеческое делится с нами своим миром. Страсть к сосуществованию с другими, нечеловеческими формами жизни, становится тогда важным источником солидарности с не-людьми.

Английский мыслитель полагает, что первым необходимым шагом к установлению солидарности с не-людьми становится восхищение их естественностью. Позволяя другим, нечеловеческим существам, получать удовольствие, мы будем испытывать восхищение, стимулирующее наше стремление к сродности. Именно восхищение не-людьми будет способствовать более полному их включению в социальные конструкции. При этом подобное восхищение не надо рассматривать в качестве одного из повседневных эмоциональных состояний. По мнению Мортонa, оно становится одним из аспектов проявления нуминозного опыта, вызывающего страх или внушающего благоговение. «Нуминозное – это вымещение человеческой сродности во властительное, божественное измерение» [3, с. 279]. В этом смысле философ представляет восхищение как своеобразное эстетическое притяжение людей и не-людей друг к другу, подобное гравитации, в качестве особой эстетической ценности. Вместе с тем вопрос о степени адекватности использования здесь понятия нуминозного, призванного описывать крайние, экстремальные проявления собственно экзистенциально-религиозного опыта, требует, на мой взгляд, более обстоятельного прояснения.

Автор «тёмной экологии» в своих работах неоднократно подвергает критике те или иные аспекты философско-экологической доктрины «глубинной эколо-

гии». Сторонники этой доктрины (А. Нейс, У. Фокс, Б. Деволл, Дж. Сешнс и др.) связывают необходимую трансформацию сознания с формированием особой мистической способности идентифицировать себя с любыми проявлениями нечеловеческой жизни как необходимого условия кардинального изменения мировоззренческих ориентаций в экологическом духе. Критикуя сторонников «глубинной экологии» за склонность к мистицизму, Т. Мортон, тем не менее, также приходит к признанию огромной роли иррациональных составляющих сознания для формирования новых экологических установок.

Английский мыслитель обращает внимание на неизбежность переосмысления заботы как важнейшего человеческого экзистенциала в экологическом ключе. «... Чтобы заботиться о себе и других формах жизни, помимо простого поддержания пресного существования, нам необходимо объять навязчивое, жуткое, призрачное измерение» [3, с. 86, 87]. Забота должна распространяться на более широкую, нечеловеческую область, однако до сих пор ещё не ясно, насколько широка должна быть такая сеть заботы. Пока непонятно, какие нечеловеческие объекты в первую очередь должны попасть в сферу экологического внимания. Разрыв наших связей с нечеловеческими существами, являющийся следствием господства антропоцентрического мировоззрения, не преодолен. Хотя ценностные ориентации, направленные на дальнейшее технико-технологическое преобразование окружающей среды, часто не популярны в рамках экологического дискурса, однако до решающего мировоззренческого перелома ещё очень далеко. Очерчивая образ экологической заботы, мыслитель именует последнюю «ненавязчивой заботой», «игривой заботой» [4, с. 168–170]. Главное, чтобы образ такой заботы не был дискредитирован разнообразными проявлениями политического лицемерия и цинизма.

Ключевой задачей экологической политики, с точки зрения Мортон, становится «упразднение прошлого во имя настоящего», т.е. реализация практических возможностей «призрачной открытой футуральности» с целью ослабления влияния на нынешнее поколение преобразовательной практики исторического прошлого. Для этого необходимо ни много ни мало изменить саму теорию человеческого действия, отказаться от традиционных трактовок активного и пассивного поведения, изменить и само представление о насилии. «Философии нужна новая, квинная теория действия, которая ни активна, ни пассивна..., чтобы найти некоторое пространство для манёвра, чтобы мы смогли увильнуть или «оторваться» от гиперобъектов» [3, с. 362].

Т. Мортон в своих работах не демонстрирует буйные проявления исследовательского воображения, точно так же обходит стороной проблему поиска путей создания нового межвидового симбиоза, как это делает, например, известная постгуманист Д. Харауэй в своих грандиозных проектах достижения «многовидовой экологической справедливости» под лозунгом «Заводить сородичей, а не детей!» [5, с. 181–188]. Однако английский мыслитель тоже задумывается о том, какой характер должна носить по-настоящему экологическая политика.

Планетарная политика, по мнению Мортон, может быть только коммунистической, но никак не неолиберальной, а сам марксизм должен распространяться и на не-людей. При этом, называя себя марксистом, эколог опирается на

своеобразную трактовку трудов К. Маркса, явно не совпадающую с их привычным толкованием, полагая, что марксистская теория способна охватить и отношения к не-людям. Признавая К. Маркса антропоцентрическим философом, Т. Мортон всё же считает, что «... в своих теориях отчуждения и потребительской стоимости марксизм предлагает больше возможностей для включения не-людей, чем капиталистическая теория» [3, с. 24]. Если коммунистическая теория будет построена без телеологической структуры, определяемой собственностью, классом, расой, гендером, видом, и не идти в русле антропоцентрических теорий, то, по мнению Мортон, она вполне может претендовать на желанную роль солидарной теории, ведущей к экологическому коммунизму. Искомую трансформацию мировоззрения, как считает мыслитель, можно достичь лишь тогда, когда люди сумеют изменить представления о собственном родовом существовании, подразумевая под человечеством огромную симбиотическую реальность, включающую в себя и «призрачное», нечеловеческое начало. Человеческие экономические отношения, с точки зрения мыслителя, нужно рассматривать лишь в качестве определённого среза экологических отношений с колоссальным количеством пропущенных компонентов. Перспективы же развития коммунистической теории определяются возможностью соединения её с анархизмом.

Отметим, что многие, достаточно оригинальные идеи Т. Мортон представлены в его работах довольно схематично и требуют своего более глубокого и обстоятельного обоснования. При этом возникает стойкое убеждение в том, что дальнейшее развёртывание доктрины «тёмной экологии» неизбежно будет сопровождаться и ростом утопических элементов. Во всяком случае достижение сродности с не-людьми в качестве декларируемой Т. Мортоном актуальной политической задачи является ярким примером абстрактного утопизма и, скорее всего, относится к разряду лишь благих пожеланий.

Заключение

Таким образом, доктрина «тёмной экологии» представляет собой оригинальную, достаточно радикальную версию современного постгуманизма. Являясь продолжением постмодернистской экологической рефлексии, этот способ мышления является проявлением альтернативного, недоминирующего подхода к пониманию сущности экологических проблем современности. Выступая в качестве антипода как различных форм теизма, так и атеизма, данная философская концепция включает в себя откровенно иррационалистическую составляющую, дистанцируясь одновременно и от мистических тенденций «глубинной экологии». Это учение становится характерным проявлением современного антисциентистского экологического дискурса. Несмотря на стремление использовать результаты современного естествознания, автор «тёмной экологии» старается отмежеваться от научно-ориентированной линии развития экологического мышления, демонстрируя при этом склонность к специфическому постмодернистскому стилю рассмотрения изучаемых проблем, отличающемуся известной нечёткостью и увлечением эстетическими приёмами и аналогиями. Философско-методологические следствия, вытекающие из рассматриваемой концепции, могут частично пересекаться с некоторыми основаниями современной постнекласси-

ческой науки, однако их иррациональная составляющая не способствует их целостному включению в состав метанаучного уровня исследования. Развиваемая Т. Мортонем экологическая доктрина носит в целом спорный характер, хотя и вызвала заметный интерес в рамках мирового философского сообщества. Вместе с тем даже достаточно радикальные подходы, представленные в современном постгуманизме, сохраняют свою важность в контексте поиска новых путей формирования экологического сознания и построения рациональной экологической политики.

Список источников

1. Брайнт Леви Р. Демократия объектов. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.
2. Мортон Тимоти. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
3. Мортон Тимоти. Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом / пер. с англ. Е. Бондал. Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. 368 с. (Библиотека журнала «Логос»).
4. Мортон Тимоти. Стать экологичным. 2-е изд. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2022. 200 с.
5. Харауэй Донна. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
6. Харман Грэм. Искусство и объекты / пер. с англ. Д. Кралечкина; под научной редакцией М. Черновой. Москва: Издательство Института Гайдара, 2023. 440 с. (Библиотека журнала «Логос»).

References

1. Bryant Levy R. Democracy of objects. Perm: Gile Press; 2019. 320 p.
2. Morton Timothy. Hyperobjects: Philosophy and ecology after the end of the world. Perm: Gile Press; 2019. 284 p.
3. Morton Timothy. The human race. Solidarity with non-human people / per. from eng. E. Bondal. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2022. 368 p. (Library of the journal "Logos").
4. Morton, Timothy. Become eco-friendly. 2nd ed. Moscow: Ad Marginem Press; 2022. 200 p.
5. Haraway Donna. Remaining in Trouble: Make Kindred in Hthlutzen. Perm: Gile Press; 2020. 340 p.
6. Harman Graham. Art and objects / translation from English by D. Kralechkin; under the scientific editorship of M. Chernova. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; 2023. 440 p. (Library of the journal "Logos").

Информация об авторе:

Захаров Константин Павлович, канд. философ. наук, доцент, доцент кафедры философии и юридической психологии ВВГУ, г. Владивосток. E-mail: zakharov.konstantin@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-2/185-194>

Дата поступления:
22.08.2023

Одобрена после рецензирования:
28.08.2023

Принята к публикации:
29.08.2023